

«Душа грустит о небесах,
Она нездешних нив жилища...»

Сергей Есенин

Пролог

Русский народ возлюбил есенинскую лирику; под есенинские песни ликовал и плакал, а богомольцы истово молили Бога, чтоб простил его прегрешения вольные и невольные и даровал рабу Божию Сергию Царство Небесное, ибо помнили, смертельно уставший от великой смуты, заставшей русское небо, поэт слёзно просил: *«Помолись перед ликом Спасителя /За погибшую душу мою...»*

Если богомольцы вымаливали грешную душу поэта, то поклонники писали хвалу его певучей лирике, а противники сочинили хулу, выискивая в творческой и житейской судьбе лишь признаки духовного тления. Вот и я сподобился на исходе прошлого века подготовить для журнала «Сибирь» очерковое повествование *«Душа грустит о небесах. Трагедия поэта Сергея Есенина»*, откуда далее приведу некие выдержки. И помню, первую часть уже сверстали, вдруг, неожиданно главный редактор отклонил очерк. Минуло более двадцати лет, я запомнил, что мне редактор толковал, но по слухам... лишь по слухам... очерк не глянулся Валентину Распутину: вроде, слишком вольно молодой сочинитель судил-рядил о судьбе и творчестве Есенина, помяная даже и богохульство поэта; вроде, взметнул дерзкую пяду на гордость русской поэзии. Но прежде чем взметнуть пяду я с любовью и восхищением отобразил мощь есенинской лирики, где звучала тысячелетняя стихия крестьянской обрядовой поэзии, а уж потом с печалью и состраданием запечатлел и духовную трагедию поэта, изначально порождённую *народно-обрядовым православием*, в кое вплелось языческое обожествление природы, жажда дикой языческой воли.

Похоже, за *дерзкое обличение* Есенинского безбожия очерк и отвергли: дескать, без году неделя в писательском ремесле, а ишь сколь о себе возомнил, замахнувшись на Есенина. Но обличение в очерке было лишь попутным, выражающим русскую душу, способную к великим небесным взлётам и мрачным земным падениям, особо в лихолетье кровавой смуты; основное же в повествовании — русская народная мощь есенинской лирики, до которой, *думаю*, не дотянулись иные именитые стихотворцы «серебряного века», а посему Есенин — русский народный поэт, а другие — русские книжные, что, впрочем, не уничижало их яркие дарования, высокую русскость стиха. Вспомним Николая Рубцова и Юрия Кузнецова...

Если в моем очерке лишь мимолётно, на фоне величания поминается духовная трагедия поэта, то в статье Сергея Эпова «Сам не знаю, откуда взялась эта боль...» безбожие и легион попутных пороков Есенина, на мой взгляд, — сквозной мотив. Статья, будучи предельно спорной, тем не менее, духовно значимая, глубокомысленная, интересная, как интересна и книга Прилепина про Есенина, хотя книгу подверг обширной и жёсткой критике выдающийся русский литературный критик Юрий Павлов, доктор филологических наук, профессор Краснодарского университета. Его фундаментальная исследовательская статья «О чувстве родины, русофобии, антисемитизме в книге Прилепина «Есенин: обещающая встречу впереди» в прошлом году по предложению критика увидела свет в четвёртой книжке журнала «Сибирь».

* * *

Жаркие литературные споры разгорались в позапрошлом веке, и православно-самодержавные славянофилы храбро сражались с либеральными западниками, что выразилось в статьях и письмах, скажем, Пушкина либо Достоевского, которые, будучи издателями журналов, были самые политизированные писатели в позапрошлом веке. В спорах, что воплощались в статьях и литературных письмах, горячие спорщики не щадили друг друга. Примечательна идеологическая схватка между социалистом Белинским и монархистом Гоголем, между германофилом Тургеневым и русофилом Достоевским...

Фёдор Михайлович и тогдашние русофилы восприняли роман Тургенева «Дым» как злобную клевету на Россию и русский народ. И в сей суровой оценке романа не узришь преувеличения, коли послушаешь лирического героя, за чьей спиной утаился писатель: «...Русь в целые десять веков ничего своего не выработала, ни в управлении, ни в суде, ни в науке, ни в искусстве, ни даже в ремесле... (...) Ну скажите мне на милость, зачем врёт русский человек? (...) Лезут мне в глаза с даровитостью русской природы, с гениальным инстинктом (...) Да какая это даровитость, помилуйте, господи? Это лепетание спросонья, а не то ползверинная сметка. (...) Русское художество, русское искусство!.. Русское кружение я знаю и русское бессилие тоже, а с русским художеством, виноват, не встречался. (...) Русские люди — самые изолгавшиеся люди в целом свете...»¹

Достоевский полагал, что роман «Дым» «подлежал сожжению от рук палача», и я думаю, русофил Есенин и прочие крестьянские поэты, доведись им оказаться у костра, где сжигают тираж романа «Дым», первыми бы бросили в пламя роман, зло порочащий русский народ.

Упаси Бог нам, провинциальным литераторам, равняться с классиками отечественной словесности, но, тем не менее, статья Сергея Эпова в редакции журнала «Сибирь» породила буйную полемику, и я бы даже сказал, идеологическую, в некой степени созвучную вышеупомянутому писательскому спору. И члены редакционного Совета резко разошлись во мнениях: трое одобрили статью и благословили для публикации, трое не советовали печатать, причём один из троих вписал на поля рукописи уйму примечаний. А Владимир Скиф, известный российский писатель, заведующий отделом поэзии журнала «Сибирь», приложил к статье основательный отзыв, отрывок из которого с позволения автора привожу:

¹И.С. Тургенев. «Дым» [Полныйтекст]. https://rvb.ru/turgenev/01text/vol_07/01text/0191-full.htm

«Автор статьи хоть и грамотен, и умён, и начитан, но не любит русских поэтов, а тем более Есенина. Есенин алкоголиком никогда не был. Просто любил выпить, но пьяный никогда не писал стихов. Он имел свой незаурядный талант и знал про него. Да, был заносчив с теми, кто ниже его. На то он и Есенин! Многие из современников завидовали его народной славе. Тот же Георгий Адамович, который писал: «Многочисленные поклонники Есенина теперь наперебой восхищаются его новоявленной «простотой». После имажинистических изощрений Есенин принялся писать, как Кольцов. И о чём писать! О родных полях, о берёзках, о нивах, о своей нежности к ним. Простота — вещь хорошая. Лучшее её свойство в том, что она исключает возможность художественного обмана. Пока Есенин был имажинистом и сочинял стихи неуклюжие, невразумительные и бессмысленные, дело было не так очевидно...». И далее: «Говорят: Есенин имеет право быть таким после всего, что он русской поэзии дал. Но ничего русской поэзии Есенин не дал...» — Это было написано в 1926 году. Да и наши современники тоже завидуют всенародной славе великого русского поэта, и будут завидовать всегда! И Прилепин, и Эпов — они лишь около Есенина, но не с ним, и тем более — не с русским народом и великой народной поэзией, олицетворением которой и был Есенин».

Изначально, после пристального чтения, я уверился, что статья Сергея Эпова не ко двору, что её публикация в журнале опорочит «Сибирь», а коль мнения о статье членов редсовета полярно разошлись, то после долгих колебаний, сомнений я решил опубликовать статью, но рядом с другой, выражающей противоположные суждения, на что есть редакторское право, тем паче и автор критического сочинения на то согласился. К сему добавлю, что Сергей Эпов далеко не одинок в подобном, предельно неприязненном отношении к судьбе и творчеству Есенина; водились в прошлом веке, водятся в нынешнем веке писатели, критики, пишущие о творческом и житейском мире поэта, будучи чуждыми, а порой и враждебно чуждыми есенинскому миру.

Безбожие

«Мудрость мира сего есть безумие пред Богом»

Первое послание апостола Павла к коринфянам. (3:18–19)

Согласен с выводами Сергея Эпова, исходящими из христианского взгляда на судьбу и творчество Есенина, ибо в отличие от дольней лишь горняя мудрость рождает истины. Когда критик, так повеличаем автора весьма спорной статьи, рассуждает о духовном смятении и духовном падении поэта, я соглашаюсь, хотя сожалею, что обличения критика, православного по слову, не смягчаются сострадательной любовью к брату во Христе.

«В его творческом алгоритме, безусловно, присутствовал разрушительный, самоуничтожающий элемент, опасный для самого творчества как такового, ограничивающий его, ставящий ему предел. Беспредельность — только в Боге. Потому что — и талант от Него. В Есенине его почитатели обожествляют боль и излом». (Выделено мной. — А.Б.).

По поводу почитателей не соглашусь — грешно всех под одну гребёнку чesать — и, скажем, Шукшин, яростный правдолюбец, любил Есенина, как никако-

го иного российского поэта, и если — за боль, то за великую боль об уходящем патриархальном русском мире и за ярую, воинственно оборонительную, восхитительную и сострадательную любовь поэта к родному народу, что живёт не столь холодным рассудком, сколь мощными порывами то к воле во Христе, то к языческой воле дикого Гуляйполя. Не обожествляя, но сострада, русские люди любили поэта и за искреннюю, покаянную боль о душе своей грешной, что заблудилась в суетном мире, полном дьявольских искушений.

Расщепление Есениным иконы на щепки со смехом, чтобы растопить самовар...» «Свет от розовой иконы на золотых моих ресницах»?! На самом деле — самолюбование. (Думается, поспешный, необоснованный вывод. — А.Б.) *Не отражение своих ресниц надо видеть на иконе, а саму икону. И это всё не укладывается в моей голове. Прилепин сам цитирует парижское «Слово»: «...человек, рубящий иконы на щепки и печатно в этом признающийся, будь он трижды самородком, находится на столь низкой ступени культурного развития, что причислять его к числу истинно культурных людей — просто смешно...» (Выделено мной. — А.Б.)*

Грехи любезны, доводят до бездны... Я поэта не отбеливаю — грешен, как разбойник на кресте, и Клюев даже вспоминал, вроде узрелось или приснилось, как цепкими когтями ухватили поэтическую душу черные падшие ангелы и понесли... Впрочем, не Клюев, не мы, грешные, а лишь Господь Бог ведаёт о пребывании души в потустороннем мире...

А про изрубленные иконы для самовара нет сведений в «Автобиографии Есенина от 14 мая 1922 года (Берлин)», есть лишь в смутных Примечаниях, где мне явственно слышатся сомнения в истинности сего — вроде случилось, а вроде и нет. «Ещё до публикации автобиографии, 4 июня, в «Литературном приложении» № 6 к Нак. (№ 57) А. Ветлугин (В.И. Рындзюн) напечатал статью о Есенине «Нежная болезнь» (с. 5-6), где сообщил, что скоро выйдет автобиография Есенина, но редакция журнала выбросила из неё ряд острых мест: «В автобиографии (появится в „Новой русской книге“ № 5) эпический рассказ о том, как в году 1920, в городе Москве, в день именин приятеля, не оказалось щепок для растопки самовара и пришлось изрубить две иконы...»²

Рождается подозрение, а не внук ли местечкового Гилелея Рындзюна, сын Матли Райвич, сочиняющий «Нежную болезнь» Есенина, сочинил и сей «эпический рассказ»?.. «Текст автобиографии, напечатанный в «Новой русской книге», изменён по сравнению с рукописным... (...) При жизни Есенина автобиография несколько раз перепечатывалась без ведома поэта...» («Литературное приложение» № 11, с. 7 к Нак., 1922, 30 июля, № 94) Возможно, был ещё один вариант рукописи автобиографии или наборный экземпляр, поправленный Есениным. Может быть, именно об этом, втором автографе, указанном Р.Б. Гулем, писал И.М. Василевский. (...) Обращает на себя внимание несовпадение важных деталей в пересказываемых А. Ветлугиным и И. Василевским эпизодах с текстом рукописи Есенина. По-своему рассказывали об этом И.И. Старцев (см.: САЕ, с. 62-63) и А.Б. Мариенгоф (см.: Восп., 1, 316)³.

Более сомнительный источник трудно вообразить, и Прилепин не указывает истинного источника, где бы очевидец подтвердил, что Есенин на его изумлённых глазах рубил икону на щепу для самовара. И критик вслед за Прилепиным

²Источник: <http://esenin-lit.ru/esenin/bio/avtobiografiya/avtobiografiya-1922.htm>

³Источник: <http://esenin-lit.ru/esenin/bio/avtobiografiya/avtobiografiya-1922.htm>

послушно повторяет легенду и брань из белоэмигрантского «Слова» о том, что *Есенин «на столь низкой ступени культурного развития, что причислять его к числу истинно культурных людей — просто смешно...»* Белая эмиграция, разумеется, люто ненавидела красного поэта и могла со злости наговорить с три короба, а Есенин за словом в карман не лазил, мог ответить и похлестче...

Да если бы даже подобное случилось в пьяном бреде, то лучше бы русским литераторам поминать с великим состраданием, а праведнее и вовсе не поминать, ибо в поэте читателю важны лишь произведения...

Есенин — чадо лихого времени, когда, «выплюнув тело Христово изо рта», обезбожились и обратились в атеистов-социалистов даже семинаристы, подобные юному Иосифу Джугашвили, когда богоборчество, вбиваемое в разум интеллигенции ученьями материалистов, утопистов-социалистов, марксистов, при ленинских большевиках заразило фабрично-заводских рабочих, армию, коснулось и крестьян, и вскоре вылилось в ограбления и сокрушение храмов. Истинно оценил лихолетье великий русский философ Иван Ильин: *«Сущность катастрофы духовна. Это есть кризис русской религиозности. Кризис чести и совести. Кризис русского национального сознания. Кризис русской семьи. Великий и духовный кризис всей русской истории».*

Сей кризис спалил и душу Есенина, равно и души Ахматовой, Цветаевой, Блока, и всей творческой интеллигенции, за малым исключением, вроде гениального, истинно православного писателя Ивана Шмелёва. Подобно прочим поэтам и прозаикам «серебряного века», Есенин — обезбоженный сын большевистской революции, и если Блок, Цветаева, Ахматова не впадали в откровенное богоборчество, то и сии стихотворцы барахтались в грешных страстях, живописуя грешные страсти. О сём подробно у поэта Станислава Куняева в его очерках о поэтах минувшего века.

«...В душе Есенина была муть нечленораздельная в отношении к религии... (...). ...Космогонизм Есенина для меня — это смесь Православия, пантеизма и язычества».

Бесспорно, Есенинская религиозность замутилась суевериями, кои издревле жили в крестьянской обрядовой этике, а потом подверглась и большевистскому безбожию. Но сему подвергся, увы, за малым исключением, весь русский народ, о чем верно сказал Игорь Евсин в статье «Духовный переворот Сергея Есенина»: «Чтобы понять, что же за духовный переворот произошёл с Есениным в 1917–1919 гг., необходимо осознать, что произошло тогда со всем русским народом, без которого он себя не мыслил. Ведь, как правильно заметил А.В. Гулин: «Законы духовной жизни, те, что направляют судьбу каждого народа и человека, едины для всех — национального гения или простого смертного... Есенин делал выбор под стать миллионам современников». А миллионы современников сделали тогда выбор в пользу социалистической революции. Священник Сергей Рыбаков в своей статье «Сергей Есенин и русская революция» заметил: «Русский народ в революции выступил сразу в нескольких ипостасях: он и виновник, он и жертва, он и свидетель инородного и иноверного безчинства»⁴.

Сергей Эпов обошёл тему инородческого, иноверного безчинства ленинских большевиков, что могло бы пояснить и безчинства Есенина. От революционных хриstopродавцев исходил атеистический дурман, всеохватный, воинственный, кощунственный, заразивший Есенина, да и всю тогдашнюю интеллигенцию, кою

⁴https://ruskline.ru/analitika/2015/08/26/duhovnyj_perevorot_sergeya_esenina

святой Иоанн Кронштадтский предал анафеме в «Новых грозных словах»: *«Не стало у интеллигенции любви к Родине, и она готова продать её инородцам, как Иуда предал Христа злым книжникам и фарисеям, уже не говорю о том, что не стало у неё веры в Церковь, возродившей нас для Бога и Небесного Отечества»*⁵.

Слава Богу, Есенин и талантливые крестьянские поэты есенинского круга не продали инородцам любовь к Отечеству за тридцать иудиных сребреников, оберегли в душе любовь к русскому народу; за сию любовь первыми и пострадали от иноверных большевиков. «Россия — с плавным и мягким, девьим станом рязанского села, будто накинувшего яркий полушалок, — была единственной любовью Есенина, которой он не изменил, даже богохульствуя, даже и заживо пропадая в Москве кабацкой. Он уберёт эту любовь, как тёплый огонёк лампадки во мраке душевного раздора. Есенин писал: *«Моя лирика жива одной большой любовью, любовью к Родине. Чувство Родины — основное в моем творчестве»*. И тут же с вызовом — зубодробильному Маяковскому: «Россия моя, ты понимаешь, моя, а ты... ты американец. Моя Россия... Ляжет в литературе бревном, и все об него спотыкаются...»⁶

С «раем земным» Есенин ничем не отличался от большевиков и был им не опасен».

Согласен с критиком: поэт созвучен инородным большевикам в идее «земногорая», хотя и опасен русским национализмом с терпким привкусом юдофобии; но, как уж толковал, за идею безбожного «рая» впору винить не поэта лишь, а всю тогдашнюю интеллигенцию, особо творческую, что, согласно грозным посланиям преподобного Иоанна Кронштадтского, любомудрым писаниям Ивана Ильина, повально утратила страх Божий.

Но безбожие Есенина вышло шатким, далёким от большевистского богоборчества, коли *«горько мне, что не верю теперь» во Всевышнего*, а, возросший под призором бабушки⁷, что таскала его по церквям и монастырям, мог бы на склоне лет и вернуться к Богу, как бывшие рьяные коммунисты после крушения рабоче-крестьянской империи повально крестились, и большинство с искренней любовью ко Христу Спасителю.

«Несмотря на то, что Есенин стал для жиганов-воров, богохульников чуть ли не идолом, начинал он всё же как поэт с православным мироощущением и мировоззрением, может быть, лишь слегка замутнённым народно-обрядовой стихией; и — странно это или не странно — в ранней юности даже имел мечтательную тягу к смиренному иночеству, к духовному подвигу, к отречению от суетного мира ради служения Богу. «Проходили калики деревнями, / Выпивали под окнами квасу, / У церковей пред затворами древними / Поклонялись пречистому Спасу...» (...) «Пойду в скуфье смиренным иноком... (...) Полюбил я тоской журавлиною / На высокой горе монастырь...»

⁵https://azbyka.ru/otechnik/Averkij_Taushev/sovremennost-v-svete-slova-bozhija-slova-i-rechi/4_44

⁶Анатолий Байборodin «ДУША ГРУСТИТ О НЕБЕСАХ...» Трагедия поэта Сергея Есенина». https://ruskline.ru/analitika/2020/09/22/dusha_grustit_o_nebesah

⁷«Бабка была религиозная, таскала меня по монастырям. Дома собирала всех увечных, которые поют по русским селам духовные стихи от «Лазаря» до «Миколы». А дедушка «по субботам и воскресным дням рассказывал Библию и священную историю». Есенин С.А.: Автобиография Есенина 1923 года. world.lib.ru/esenin/biografijachastx2.shtml

«Гриша, в настоящее время я читаю Евангелие и нахожу очень много для меня нового... Христос для меня совершенство». Есенин С.А.: Есенин — Панфилову Г. А., ноябрь 1912... esenin-lit.ru/esenin/pisma/184.htm

Христианское начало в ранней есенинской поэзии обрело даже и грозную, духовно-оборонительную страсть, подобную той, которая укрепляла былинного богатыря Илью Муромца перед битвой с хазарским богатырём: «Я за веру стоял да Христовую, // Я за церкви стоял да за соборные...» Эта оборонительная мистически-православная страсть в Есенине была и сродни грозным поучениям праведного Иоанна Кронштадтского, которому о ту пору как раз и внимала вся православная русь, как нация. У Есенина это выразилось в стихотворении «Певущий зов», посвящённом Рождеству Христову, и написанном, что символично, в семнадцатом году, в предреволюционном Петрограде: «О Родина, / Моё русское поле, / И вы, сыновья, её, / Остановившие / На частоколе / Луну и солнце, — / Хвалите Бога! / (...) Сгинь, ты, английское юдо, / Расплещися по морям! / Наше северное чудо / Не постичь твоим сынам! / Не познать тебе Фавора...»⁸

Позже поэт яростно метался меж Церковью и кабаком: «Положите меня в русской рубашке / Под иконами умирать», «Помолись перед ликом Спасителя / За погибшую душу мою...» Вот уж воистину по Тютчеву: «Умом Россию не понять...»

Мария Позднякова в статье «Под иконами умирать...» Правда и мифы о Сергее Есенине» пишет о том, что «Есенин отходил от Бога и вновь возвращался. (...) [А возвращаясь,] поэт выступал против хулы на Бога, которую поощряли большевики. За полгода до гибели в ответ на кощунственные стихи Демьяна Бедного Есенин написал: «Когда я в «Правде» прочитал / Неправду о Христе блудливого Демьяна, / Мне стало стыдно, будто я попал / В блевотину, извергнутую спьяну». А когда большевики решили убрать из всех его сочинений слово «Бог», поэт подрался с наборщиком в типографии, но восстановил прежний вариант. А новая власть тем временем разобрала в его родном Константинове колокольню (на которой юный Есенин звонил к праздникам), чтобы из того кирпича... построить свинарник. В Есенине никогда не умирал сельский мальчишка, который пел в церкви на клиросе, дружил с батюшкой Иоанном Смирновым, первым разглядевшим в нём талант поэта. Этот батюшка крестил Есенина с именем Сергей в честь преподобного Сергия Радонежского. Этот же батюшка и отпел поэта. (...) «Есенина отпевали в трёх местах: в Москве, родном селе Константинове и соседнем селе Федякине. Не было сомнений, что он убит. Иначе никто бы не стал его отпевать...»⁹

«Пороки»

А теперь я милой ничего не значу.
Под чужую песню и смеюсь и плачу.

Сергей Есенин

Сергей Эпов, именованный критиком, завершает статью «Сам не знаю, откуда взялась эта боль...» горьким мнением о книге Прилепина, и, на мой взгляд, верным: «Узнал ли я что-то принципиально новое о творчестве Есенина? — Нет. Чем-то вдохновился, поразился ещё? — Нет. Но — расстроился, заболел, словно выпил горечи...»

⁸Анатолий Байбородин «ДУША ГРУСТИТ О НЕБЕСАХ...» Трагедия поэта Сергея Есенина». https://ruskline.ru/analitika/2020/09/22/dusha_grustit_o_nebesah

⁹http://www.aif.ru/culture/person/pod_ikonami_umirat_pravda_i_mify_o_sergee_esenine

Подобное чувство горечи осталось и у меня после прочтения статьи критика, а перед глазами явился намалёванный чёрной тушью, чудовищный портрет, на котором *великий русский поэт Сергей Есенин — исчадь ада, сосуд, что содрогается от тьмы пороков: богохульство, сжигающее душу алчное честолюбие, большое себялюбие, беспринципность, трусость, лживость, лукавство, доноительство, конформизм, непорядочность, холодная расчётливость, жестокость, цинизм, эгоизм, развращённость, алкоголизм, лицемерная игра, сквернословие и скверномыслие, лень и, находясь «на низкой ступени культурного развития», не любил ни Бога, ни ближнего...*

Славный русский поэт Валентин Сорокин, полвека изучавший творчество Есенина, посвятивший есенинской поэзии очерки, статьи и речи, в беседе с Лидией Сычёвой о книге Прилепина «Есенин: Обещая встречу впереди» сказал: «Прилепин — не против Есенина, хотя и чужой Есенину...». А вот Сергей Эпов в своей критической статье не просто чужой Есенину, а враждебно чужой, и в сем чувстве, как поминалось, не одинок в российском литературном мире. Критик, справедливо изображая духовно-христианскую трагедию Есенина, как и прочих стихотворцев «серебряного века», легендарно демонизировал поэта, обличая его «пороки». По сему поводу и обратимся к статье критика...

«...Гумилёв — уже расстрелян (и не надо издеваться: мол, кричал везде о своём монархизме: не кричал; просто не по-есенински, без конформизма жёстко ответил: «Сейчас нет поэта Гумилёва, есть офицер Гумилёв») (Выделено мной. — А.Б.)

Жестоко, не по-христиански, да и бездоказательно судит критик Есенина, который на фоне героического Гумилёва — доносчик и конформист, по-сути, мерзавец, коего бы и пристрелить, как дурную собаку, не жалко. Так вот по поводу Есенинского конформизма... Если заговор против Правительства «Петроградской боевой организации В.Н. Таганцева»¹⁰, в которой якобы числился Гумилёв, не доказан и поныне, то Есенин во хмелю нередко поносил ленинское Правительство, изобилующее инородцами, отчего писательское собрание под председательством Демьяна Бедного... очевидно, по указанию Правительства... судило поэта за антисемитизм. Припомнили легендарный случай: *ответные русские националисты* — Сергей Есенин, Петр Орешин, Сергей Клычков и Алексей Ганин — вышли из Госиздата, где вели переговоры об издании книг, и завернули в столовую на Мясницкой. По доносу сидевшего за соседним столиком коменданта и ответственного контролёра МСПО Марка Родкина поэты были арестованы — слишком горячо толковали о русофобии правительства, битком набитого иноверцами: «...Когда они с неслыханной наглостью и цинизмом позволили себе оскорблять вождей русской революции, я понял, что это такие интеллигенты и «литераторы», которые сознательно стараются при удобном случае дискредитировать и подорвать авторитет советской власти и её вождей, и я решил об этом сообщить в отд. милиции для привлечения их к ответственности». Лишь чудом Есенин и друзья спаслись от гибели, о чем более подробно в заметке «Дело четырёх поэтов»¹¹.

Да, Есенин пытался через Троцкого, Луначарского выбить деньги на литературный журнал, на издание книг и своих, и крестьянских поэтов, но Сергей Александрович не лебезил перед властью; наоборот Лев Давидович и Анатолий Васильевич, надеясь приручить рязанского соловья, сами заигрывали с поэтом, о ту пору уже обременённым всероссийской славой.

¹⁰Есть мнение, подтверждённое ссылками, что организация измышлена в стенах большевистского ЧК, дабы явился повод ставить к стенке монархистов, тем паче воевавших против Красной Армии.

¹¹<https://pysskue-cka3ku.livejournal.com/2285326.html>.

Знакомясь с Александром Воронским, критиком, публицистом и издателем, Есенин заверил: «Имейте в виду, я знаю, — вы коммунист. Я — тоже за Советскую власть, но я люблю Русь. Я — по-своему. *(Как эсер, с деревенским уклоном, или анархист-социалист, в духе крестьянского заступника Нестора Махно — А.Б.)* Намордник я не позволю надеть на себя и под дудочку петь не буду. Это не выйдет»¹².

Очевидно, последней каплей терпения для большевистского правительства стала поэма «Страна негодяев», где Есенин выводит в образе свирепого русофоба и богоборца Чекистова наркома Троцкого (Лейбу Борисовича Бронштейна), который, презирая Россию, поносит русские святыни: «Ха-ха! /Нет, Замарашкин! /Я гражданин из Веймара /И приехал сюда не как еврей,/ А как обладающий даром /Укрощать дураков и зверей./ Я ругаюсь и буду упорно /Проклинать вас хоть ты-сячи лет,// Потому что.../ Потому что хочу в уборную,/ А уборных я России нет. /Странный и смешной вы народ / Жили весь век свой нищими /И строили храмы Божии...// Да я б их давным-давно //Перестроил в места отхожие». (Выделено мною, — А.Б.)

Сергей Эпов, мало читающий нелюбимого Есенина, но избличающий поэта в богоборчестве, изначально умудрился приписать слова Чекистова Есенину, хотя тот в поэме говорил от лирического героя по имени Номах (Махно), коему и поклонялся, как защитнику обездоленного простолюдья.

Есенин, подобно братьям и сёстрам по литературному ремеслу, подобно даже и аристократам, покрасовавшись красным бунтарским бантом, идейно отошёл от большевиков; и в преддверии гибели писал: «Я перестану понимать, к какой революции я принадлежал. Вижу только одно: что ни к февральской, ни к октябрьской»¹³. И в письме Кусикову от 7 февраля 1923 года горько вздыхал: «Тошно мне, законному сыну российскому, в своём государстве пасынком быть. Надоело мне это б... снисходительное отношение власть имущих, а ещё тошнее переносить подхалимство своей же братии к ним. Не могу, ей-богу, не могу! Хоть караул кричи или бери нож да становись на большую дорогу...»¹⁴

Разочарование в большевизме звучит и в поэме «Страна негодяев»: «...Пустая забава, /Одни разговоры. / Ну что же, /Ну что же вы взяли взамен? /Пришли те же жулики, /Те же воры /И законом революции /Всех взяли в плен...»¹⁵.

О каком *конформизме*, приспособлении к власти может идти речь, коли большевистская власть люто ненавидела поэта, и у власти водились на то веские доводы; а посему, запретив издания стихов, власть долго и упорно вытравила из читательского сознания имя поэта. Газеты и журналы захлёстывали статейки, порочащие творчество Есенина, которые о ту лихую годину уподоблялись доносам в ЧК. **Кручёных:** «До тех пор наша молодежь не будет окончательно вытрезвлена от Есенинского запоя, пока в тугие мозги «есенистов от критики» не проникнет сознание глубочайшей общественной вредности творимого ими «чествования» и «обожествления памяти» великого развратителя юных умов — я не могу сложить пера».¹⁶ **Луначарский:** «Что такое Есенинщина? Это олицетворение хулиганства, унынья, пессимизма и наркомании. Все эти качества были и у Есенина...»¹⁷ **Бухарин:** «Есенинщина» — самое вредное, заслуживающее настоящего

¹²А.К. Воронский. Из воспоминаний о Есенине. dugward.ru/library/esenin/voronskiy_esenin.html

¹³<http://esenin-lit.ru/esenin/pisma/140.htm>

¹⁴<https://ok.ru/group42954983211076/topic/64303362348356>.

¹⁵<https://rustih.ru/sergej-esenin-strana-negodyaev/>.

¹⁶<https://ruslit.traumlibrary.net/book/kruchenih-vs-esenin/kruchenih-vs-esenin.html>.

¹⁷<https://proza.ru/2014/06/13/1821>.

бичевания явление нашего литературного дня. По Есенинщине нужно дать хорошенький залп». «...Идейно Есенин представляет самые отрицательные черты русской деревни: мордобой, внутреннюю величайшую недисциплинированность, обожествление самых отсталых форм общественной жизни вообще. (...) С мужицко-кулацким естеством прошел по полям революции Сергей Есенин. (...) Есенинщина — это самое вредное, заслуживающее настоящего бичевания явление нашего литературного дня. Есенинщина — это отвратительная, напудренная и нагло раскрашенная российская матерщина, обильно смоченная пьяными слезами и оттого еще более гнусная». «Причудливая смесь из «кобелей», «икон», «сисястых баб», «жарких свечей», березок, луны, сук, Господа Бога, некрофилии и т.д. — все это под юродствующего квазинародного националиста — вот что такое Есенинщина»¹⁸.

С.А. Толстая-Есенина писала 6 мая 1927 года М. Горькому: «Вы не можете себе представить, что пишут в провинции и что говорят на диспутах. И все это с лёгкой руки Сосновского и Бухарина. Сергей уже стал «фашистом», по отзыву особо ретивых» (10, С. 447)¹⁹.

Увы, хлесткие большевистские обвинения Есенина весьма созвучны обличениям Сергея Эпова в статье «Сам не знаю, откуда взялась эта боль...», где критик изыскал дюжину пороков в натуре Есенина.

Травят и прочих крестьянских поэтов есенинского круга — Клюева, Клычкова, Орешина, Ганина, Наседкина, Приблудного, Корнилова, Васильева; и после Есенина в разное время народные поэты, подозреваемые в русском национализме, погибли от карающего революционного меча.

Есенин мог не возвращаться из-за рубежа, но поэт вернулся в Россию, хотя чуял: едет на заклатие, едет на страдание и гибель за русский народ, за русскую землю, кою божественно воспел.

«Согласно официальной версии, жизнь Есенина трагически оборвалась в 30 лет. Но она не оборвалась — её оборвали», — уверен петербургский поэт Николай Браун, сын поэта Николая Леопольдовича Брауна, который вместе с другими писателями выносил тело Есенина из «Англетера» 28 декабря 1925 г. «Отец отказался подписывать протокол, где говорилось, что Есенин совершил самоубийство. Не поверил в самоубийство и писатель Борис Лавренёв, который тоже был в «Англетере» и на следующий день опубликовал в «Красной газете» статью о смерти поэта под заголовком «Казнённый дегенератами». Отец говорил, что у поэта были две глубокие раны: пробоина над переносицей, как от рукоятки пистолета, и ещё одна под бровью. На шее не было характерной для висельника борозды. «Когда Есенина надо было выносить, — рассказывал отец, — я взял его, уже окоченевшего, под плечи. Запрокинутая голова опала. Были сломаны позвонки». На мой вопрос, не был ли Есенин застрелен, был краткий ответ: «Он был умучен». Отец был уверен, что мёртвого Есенина принесли в номер гостиницы с допроса».²⁰

Накануне отпевания и погребения лицо поэта так *отреставрировали*, что в Московском доме печати в скорбные часы прощания по воспоминаниям писательницы Галины Серебряковой в гробу лежала «нарумяненная кукла».

В московские декабрьские морозы с последним поклоном шли к погибшему

¹⁸https://www.ng.ru/ng_exlibris/2014.

¹⁹<http://esenin-lit.ru/esenin/vospominaniya/sovremenniki/tolstaya-esenina-otdelnye-zapisi.htm>.

²⁰Мария Позднякова «Под иконами умирать...» Правда и мифы о Сергее Есенине». http://www.aif.ru/culture/person/pod_ikonami_umirat_prawda_i_mify_o_sergee_esenine

поэту тысячи москвичей и московских гостей; с пяти вечера и до утра безпрерывная людская река текла к Дому печати на Никитском бульваре. Борис Лавренёв, писатель честный, хотя и красный, мужественно, как и Лермонтов на смерть Пушкина, написал в слове «Казнённый дегенератами»: «Мой нравственный долг предписывает мне сказать раз в жизни обнажённую правду, и назвать палачей и убийц — палачами и убийцами, чёрная кровь которых не смоет кровавого пятна на рубашке замученного поэта».²¹

А у критика, автора статьи «Сам не знаю, откуда взялась эта боль...», поэт, принявший мученический венец, — конформист и приспособленец, заигрывающий с лояльной к нему большевистской властью...

«И дело не в «недолюбленности» Есенина, не в пристрастии к скандалам. Сам-то он разве любил — своих жён, детей? (...) Он никого, по собственному признанию, не любил — ни жён, ни детей. «Я с холодком» (Выделено мной. — А.Б.).

И где же подтверждённое ссылкой на источник, собственное признание Сергея Александровича, что он *никого не любил*... Уместно ли православному литератору столь сурово судить поэта?! — речено же Всевышним: «Не судите...»; да и откуда критик доподлинно ведаёт, что Есенин *не любил своих жён и детей* и просто ближних, коли нету на то письменных подтверждений?! А коль критик не знает верно, любил или не любил, но осуждает, то выходит злой навет, порочащий имя великого русского поэта.

«...Да и пьёт, как слепая лошадь... говорит много... скандалит много... непредсказуем... Многие наркоманы и алкоголики, бездарные и талантливые, следуя курсом опьянения и дурмана — рано уходили из жизни. (...) Есенин, который был (...) эгоист, нелюбитель лишних движений. (...) Есенина резко вырвали из активного, бурного, пусть и пьяного, образа жизни. Алкоголь, конечно, мог повлиять на завершение жизни Есенина». (Выделено мной. — А.Б.).

Слишком много и безжалостно о пристрастии Есенина к скандальному пьянству, а читатели, любящие лирику поэта, сострадающие его трагической судьбе, вовсе и не почитают его за алкоголика: мог на радостях либо с горя погулять, что в творческой богеме сплошь и рядом. Опять же, в такое, не приведи Господи, кровавое, братоубийственное, жестокое время довелось поэту жить, что ранимая душа его, отвыкшая молиться, впадала в грешное унынье, даже в отчаянье, от чего спасалась в дружеских застольях.

Мария Позднякова «Под иконами умирать...» Правда и мифы о Сергее Есенине» утверждала, что «поэт прятался в больнице от чекистов. Есенина любил и ценил известный врач Пётр Ганнушкин. В опасные моменты он укрывал Сергея Александровича. А недруги Есенина создали миф о якобы его проблемах с психикой и беспробудном пьянстве. Однако сам Есенин (это есть в воспоминаниях, в частности, у И. Шнейдера) повторял: «Я ведь пьяным никогда не пишу». Когда же пил Есенин, если за последние 5 лет жизни он написал около 100 стихотворений и 5 поэм, а за последний год жизни им было подготовлено к изданию и выпущено 4 сборника стихотворений? И в Ленинград, где произошла трагедия, он ехал работать над изданием полного собрания своих сочинений»²².

«Но... может быть, если бы Есенин не пил — написал бы другие, ещё лучшие стихи, соскочил бы с этой иглы, разобрался бы со своим хаосом космическим, над

²¹<https://esenin.ru/o-esenine/gibel-poeta/lavrenev-b-kaznennyi-degeneratami>

²²http://www.aif.ru/culture/person/pod_ikonami_umirat_pravda_i_mify_o_sergee_esenine

которым все умиляются, создал бы другие, непохожие на привычного себя вещи, оригинальные...»

На мой взгляд, куда уж лучше, куда оригинальнее, коли отечественные поэты за дар Божий сочли бы сочинить четверостишие, по мудрости и красе равное избранному есенинскому. Да и как поэт может написать стихи «непохожие на привычного себя», коль пишет стихи лишь своей душой?! И не есенинским хаосом читатели умилялись, а искренней, истовой любовью к родной земле, к родному русскому народу, — любовью, запечатлённой гениальным словом, корни коего в тысячелетней устной поэзии крестьян, что в начале века составляли восемьдесят процентов российского народонаселения.

«Для Есенина создание своей биографии — как мифа, легенды — было продолжением литературной игры и созданием художественного образа, где в центре — сам поэт».

Думаю, Есенин — не играл; поэт жил духовными порывами и дольными страстями; лишь по юным летам мог, унижаясь, разыграть кучерявого пастушка Леля в чопорных столичных салонах Мережковского и Гиппиус, где шелестел шепоток: оно, конечно, самородок, но... тёмный, неотёсанный, без приличного образования. Чувал грядущее поэтическое величие Есенина лишь гениальный поэт Николай Клюев: «Ждали хама, глупца непотребного, / В спинжаке, с кулаками в арбуз, / Даль повыслала отрока вербного, / С голоском слаще девичьих бус. (...) / Он поведал про сумерки карие, / Про стога, про отжиночный сноп. / Зашипели газеты: «Татария! / И Есенин — поэт-юдофоб!»

Но... недолго музыка играла, недолго Есенин плясал «Камаринского», постукивая лапоточками по салонному паркету; вскоре, оперившись, с грубым деревенским вызовом посулился: «Посмотрим —/ Кто кого возьмёт! / И вот в стихах моих / Забила / В салонный, вылощенный / Сброд / Мочой рязанская кобыла. / Не нравится? / Да, вы правы — / Привычка к Лориган / И к розам... / Но этот хлеб, / Что жрёте вы, — / Ведь мы его того-с... / Навозом...»

«Цветаева для меня — более гениальный поэт. (...) Её внутренний мир был не менее потрясающий, культура — глубже. (...) А «первенство в становлении советской поэзии» среди крестьянских поэтов — невелика честь. (...) Это моё мнение. Хотя, и не только моё. (...) «Ботинки, полные горячей водкой» Прилепина — хорошо рифмуются с поэзией Есенина...»

Любезный критик не любит Есенинскую поэзию, но зачем же навязывать читателю столь низкое о ней суждение?! Говоря о второсортности Есенинской лирики перед Цветаевской поэзией, Сергей Эпов утверждает, что это не только его мнение, намекая на тонких знатоков поэзии. Согласен, избранные «тонкие знатоки», коих Валентин Распутин иногда величал *образованщиной*, гениальную Цветаеву почитали за поэтическую небожительницу, а Есенина — завистливо взирающего с грешной земли на поэтические небеса. Но весь многомиллионный читающий русский люд, умом не осиливая изошрённые, умозрительные стихи Цветаевой, буйно ликовал и лил слезы над есенинским стихом, страстно пробуждающим в душе, властно утверждающим любовь к родному русскому народу, к патриархальной песенной Руси.

Согласен, «внутренний мир [Цветаевой] был не менее потрясающий», но отчего же «культура — глубже»? У Цветаевой — вековая книжная культура, у Есенина — тысячелетняя, крестьянская. Дабы осознать истоки есенинской лирики,

уместно по сему поводу привести обширную цитату из моего очерка «Слово о русском слове»: «Величайший художник всех времён и народов напишет гениальный пейзаж (...), но природа — Творение Божие, будучи во сто крат гениальнее самого гениального рукотворного пейзажа, — останется не вмещающей в земную душу, неизъяснимой тайной. Вот и двухтысячелетняя русская народная, суть, крестьянская, языковая стихия, воплощённая в устном поэтическом, прозаическом слове — в эпосе, в былине и песне, в житийном мифе и заговорной молитовке, причитании и сказке, бывальщине и быличке, в кружевном речении, в пословице и поговорке, — всегда будет неизмеримо гениальнее самой гениальной стилистики самого великого книжного поэта. У Пушкина, гения всех времён и народов, руки опускались перед народным словом, воплощённым в былинах, песнях, сказках, пословицах и поговорках, из чего следует, что народное поэтическое слово, в гениальности превосходя не токмо Пушкина, но и всю классическую прозу и поэзию, — суть произведения, созданные всем русским народом соборно, и доводились до ума и божественного духа долгими веками. И Пушкин на склоне короткого века признался Владимиру Далю, обречённо склонив голову пред неодолимой мощью тысячелетней народной поэзии: «Сказка сказкой, а язык наш сам по себе, и ему-то нигде нельзя дать этого русского раздолья, как в сказке. А как это сделать, — надо бы сделать, чтобы выучиться говорить по-русски и не в сказке... Да нет, трудно, нельзя еще! А что за роскошь, что за смысл, какой толк в каждой поговорке нашей! Что за золото! А не даётся в руки, нет!»²³

А Есенину, да и Клюеву далось в руки самородное золото древнерусской поэтической речи, но величие Есенинской поэзии не столь в художественной гениальности, сколь в том, что Есенин, повторю, как никакой иной стихотворец прошлого века, ослепительно ярко, песенно и молитвенно запечатлел русскую душу в её поднебесном кружении и отчаянном падении, в её похотях и сотрясающих душу раскаяньях. Самые пронзительные стихи Есенина — уже позднего, смертельно уставшего — душераздирающий стон по своей душе, а значит и по душе русской, теряющей божественный свет; это и плач по *крестьянской* (суть, *христианской*) жизни. «Россия! сердцу милый край! / Душа сжимается от боли...»

В сопоставлении, уничижая Есенина, возвышая Цветаеву, критик подразумевает её верховенство и поэтическое, и нравственное, но, опять же, не литературные критики, а лишь Господь Бог может судить, кто более грешен: Есенин или Цветаева, что совершила смертный грех — самоубийство, а подобное у Есенина — вымысел ЧК, кое расправилось со скандальным русским националистом и юдофобом, а потом и с его друзьями, талантливыми крестьянскими поэтами.

«Лексика Есенина. Вдруг подумал, а ведь учитывая есенинское словообразование, его окружение, нецензурную лексику, матерщину, пропитавшую его устную и письменную речь, иначе воспринимаешь, вроде бы уже давно понятные, «народные» слова, например, «голубень» ассоциируется и рифмуется с «поеб@нь»

Вот и ещё порок из бесчисленных, приписанных поэту, — сквернословие, скверномыслие в хмельных застольях и в стихах. И сей вывод о есенинской лирике, повторю вновь, созвучной тысячелетней устной народно-обрядовой поэзии, о безкрайности и величии которой изрядно молвлено выше!.. Выходит, критик, низко оценивая есенинскую лирику, подобно относится и к народной поэзии, выраженной в песнях и былинах, в легендах и бывальщинах, в пословицах и поговор-

²³Цитировано по статье: Даль и Пушкин. Сайт Хронос.ру

как; а эдакое отношение к русской народной словесности — похоже на отношение и к самому народу русскому, дай Бог безсознательное...

«Достоинство, которое было у Цветаевой, Ахматовой, Гумилёва — Есенину заменила **гипертрофированная жажда всемирной славы**. Тем более, что **принципиальностью и стойкостью** этих поэтов **Есенин не обладал**. (...) В США Есенин лгал про Гумилёва: «он держал себя очень высокомерно. Всюду кричал: я монархист. У него на квартире собирались контрреволюционеры, были найдены бомбы». Ложь. И практически — донос. Гумилёв — высокомерный? — да. Потому что — перед большевиками. В отличие от **конформиста Есенина**. (...) Расстрелян за свою несговорчивость и неприятие советского строя: на вопрос — ну, вы же поэт, он (повторю ещё раз) ответил: «Сейчас нет поэта Гумилёва, есть офицер Гумилёв». Это ответ сильного и порядочного человека, каковым Есенин никогда не был. (...) **Как человек он был холодный и жестокий. И циничный**. По отношению к своим женщинам, к своим детям. (...) Убеждений настоящих Есенин никогда и не имел. В отличие от тех же Пушкина, Достоевского, Гумилёва, Цветаевой, Ахматовой. (...) Есенин, как всегда (?), выбрал побеждающих. (...) Серьезнее всех пострадал Блок. Потому что он не играл в игры» (Выделено мной. — А.Б.).

После легиона пороков, зорко подмеченных критиком, Есенин на фоне упомянутых **высоконравственных** поэтов, особо Гумилёва, не просто **дрянной человешишко**, а **столь мерзкий**, что и поминать лихо, а тем паче читать стихи эдакого негодая. Но критик, демонизируя Есенина, не утруждал себя подтверждающими источниками: скажем, кто записал Есенинскую «ложь» про Гумилёва?.. Где доказательства, что Гумилёв в некоем литературном общении и не возглашал о своём монархизме?.. А то, что два поэта, белый и красный, оказались во враждебных лагерях, ничего странного — братоубийственная гражданская война не завершилась поражением белой армии. И вина ли Есенина, который, подобно гениальному Шолохову, примкнул к большевикам?.. Да если бы Есенин и был эдаким негодаяем, каким его мрачно и безжалостно живописал православный критик, то и Цветаева с Ахматовой — чада обезбоженной, развращённой богемы — не ангелы, разве что порочные страсти выглядели изысканней и утончённее — не мужички же.

Если критик обличает Есенина в пороках и лирику его оценивает второсортно на фоне Ахматовской и Цветаевской поэзии, то отчего же русский народ, вновь повторю, возлюбил Есенина так, как никакого другого российского поэта, и по сей день не разлюбил?! **У критика возвеличенные поэты Гумилёв, Ахматова, Цветаева — ангелы с крыльями, а Есенин — исчадь ада**. Так **неужели миллионы простых русских людей любили исчадь ада?!** Но коль миллионы любили исчадь ада, значит и они — исчадь ада? За эдакое утверждение сто миллионов любящих Есенина могли бы нагрянуть и с топорами да вилами, как в есенинском стихе: «Они бы вилами пришли вас заколоть / За каждый крик ваш, брошенный в меня...»

Обличения во грехах, слепленные из слухов, из сомнительных источников, — заведомая неприязнь критика к русскому поэту, где **русскость** — не племенная кровь, но поэтический дар, вмещающий тысячелетнюю русскую народную этику и языковую стихию. Есенин и есенинская лирика — земная святыня русского народа, образ русского человека.

Прилепину и Эпову пристойнее бы за версту обойти житейскую судьбу поэта, а сосредоточиться на творческой... Вообразим, если бы некий шальной критик

написал подобное о прославленных в Рабоче-крестьянской империи армянских, грузинских, среднеазиатских поэтах, что тоже не ангелами летали в поднебесье, то армяне, грузины и азиаты, народ горячий, могли бы и побить дерзкого критика — не смей хаять национальные святыни. А посему, может, и во грех расписывать похоти Есенина либо похоти Ахматовой, Цветаевой, в чём преуспели бульварные сплетники...

«...Я действительно больше люблю Пушкина, Цветаеву, Тютчева, Иннокентия Анненского, Ахматову... — продолжил критик размышления в частной записке. — Это мой круг. Или они не русские? Кто вообще определил кого и как надо любить? Кто имеет право говорить от лица всего русского народа? Народ разный. И Слава Богу. (...) Да вы сами-то не с ума ли сошли, господа хорошие???»

Помянутые поэты, разумеется, русские, пусть и книжные, и никто не запрещает любить поэтов, что ближе по духу и слову. Славянофилы ...потом уже — русофилы... славил писателей, живописующих самобытную русскую народную жизнь, суть, крестьянскую; западники, не видя ценности в самобытной русской жизни, чтили писателей, выражающих *общечеловеческие ценности*.

А говорить от лица русского народа имеют право в Церкви — проповедники и святые отцы, в миру — писатели, подобные Есенину, Шукшину, Белову, Распутину, Рубцову, и право говорить даровано свыше, а народ подтвердил дарованное право. А посему следует обвинять русский народ: отчего он захватил право решать, кого в русской словесности любить, а кого забыть. Впрочем, самобытный русский народ, как и прочие народы мира, в глобальной круговерти постепенно утрачивает яркую самобытность, превращаясь в *общечеловеков*, чтоб накануне крушения цивилизации обратиться в биороботов.

«Есенин выбрал себе «мужицкую Русь», скорее, как символ, ибо «мужиком» он никогда не был — ни пахал, ни сеял, ни жал».

Столь спесиво закавычена фраза — «мужицкая Русь», кою воспевали с пронзительной любовью, с восхищением и состраданием Есенин и поэты есенинского круга, а потом талантливые поэты и прозаики из деревенских выходцев — Абрамов, Носов, Астафьев, Шукшин, Белов, Распутин, Личутин, Рубцов, Тряпкин. А по поводу *не пахал, не сеял*, скажу: в молодости, думаю, и пахал, и сеял, но — Богом была дарована судьба не пахотного крестьянина, а крестьянского сказителя, что вырос до всемирно прославленного поэта, возлюбленного народом.

Автор в переписке известил меня, что *вор Емелька Пугачёв* был кумиром Есенина, — согласен, и что бунт сего *вора* — богопротивен и не во благо, а во скорбь русского народа. Но как в сем повинить поэта, что, мечась меж церковью и кабаком, идейно сближаясь с крестьянским заступником батькой Махно, все же принял безбожную советскую власть с ее кумирами. Скажем, кумир для Шукшина, выдающегося русского писателя, — *Стенька Разин, вор, говоря по-царски*, от сего Шукшин не умалился, а как слыл обострённо русским народным художником, таким и остался навечно в памяти потомков. Мало того, Шукшина, а ранее его любимого поэта Сергея Есенина, русский народ возвёл в земные национальные святыни. А чем лучше Пугачёва декабристы?! Вроде, христиане православные, а замахнулись аж на царя, Помазанника Божия, повели на безславную погибель православных воинов, что ни сном ни духом не ведали, зачем маршируют на Сенатскую площадь...

«...Жизнь сама показала нежизнеспособность и несправедливость рухнувшего советского государства, построенного на крови и насилии».

Жаль, что критик повторяет либерально-русофобскую оценку Рабоче-крестьянской державы, коя в царствование Иосифа Сталина выстроилась в могучую империю, что сокрушила мировое зло — фашизм, что в правление Леонида Брежнева поразила мир величайшим взлётом науки, искусства, производства, армии — куда впервые в истории человечества пришли талантливые крестьянские сыны и показали чудеса созидания. Вспомним хотя бы всесветно прославленных деревенских писателей второй половины прошлого столетия... О подобном, рабоче-крестьянском социалистическом государстве человечество мечтало испокон веку, а русские мыслители Достоевский, Фёдоров, Леонтьев даже проповедовали христианский социализм, но без богоборческого марксизма-ленинизма.

«Сразу после смерти Есенина провозгласили «великим национальным поэтом», а спустя две с половиной недели, после завершения 14-го съезда партии и разборки Сталина с Зиновьевым, Троцким, Есенин срочно стал «кулацким подголоском» и на 25 лет был изъят из упоминаний и цитирований в положительной коннотации, его какое-то время не издавали. (...) Айседора Дункан. Всё-таки, есть смысл в её эпитафии: «Лучше свобода, чёрный хлеб и водка в России, чем жизнь при вашем капитализме!» (американцам). Всё бы было так, если бы в России была действительно свобода».

Сколь иронии во фразе, заключённой в кавычки, но великим национальным поэтом Есенина провозгласили не после смерти, а при жизни, и не власти, а читающий народ; власть же пыталась выбить из русских душ любовь к есенинской поэзии. Думаю, критик, не любя Есенина и его лирику, не вмещает в книжную душу его величие в русской поэзии, что, повторю вновь, созвучна тысячелетней, сверхгениальной крестьянской устной поэзии. А что Есенин не вписался в тогдашнюю литературу, так и не мудрено, коль после революции российской культурой правили выше помянутые чекисты, иноверные ленинские большевики, кои брезговали русским духом, а про есенинскую лирику, как и про лирику поэтов есенинского круга, можно смело воскликнуть вслед Пушкину: «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет...»

К сему при Сталине взращивались «дети орлиного племени», дети Солнца, неведомые поэту. В яростной схватке, потом в столь же яростном труде, в муках рождалась рабоче-крестьянская империя, рождался неведомый доселе товарищ, что вдохновенно и азартно, и даже в холоде, голоде, трудился не ради личного благополучия, но ради народного счастья. Ярko изобразил эдакого товарища Валентин Распутин в рассказе «Я забыл спросить у Лёшки». «Валентин Распутин в раннем очерковом творчестве был созвучен Николаю Островскому с его хрестоматийным романом «Как закалялась сталь». Идеиная близость особо прозвучала, когда Распутин написал рассказ «Я забыл спросить у Лёшки», где пламенный комсомолец, похожий на Павку Корчагина, что вдохновенно и насадно трудился на лесоповале, даже тяжело раненный бредит о светлом будущем всего трудового человечества и умирает с мечтой о коммунизме на посиневших устах, о рае на земле, согласно кодексу строителя коммунизма, списанного с Нагорной проповеди Христа, но, увы, без Христа. Распутинские герои, подобно Павке Корчагину, горячо толкуют о коммунизме: «...Коммунизму не повезло... Сегодня один из его строителей потерпел аварию... Граждане!.. Коммунизм запаздывает... Коммунизм — это тебе не автолавка с бесплатными товарами... К коммунизму надо ещё идти... Дорога,

которую мы ведём, — это дорога в коммунизм... И ты веришь в коммунизм, я же знаю, что веришь. А наговариваешь на себя. Ну, скажи, веришь или нет?.. — Верю, — Коммунизм... конечно, будет коммунизм... Зря люди стыдятся мечтать о коммунизме... надо бить всякого, кто хихикает по этому поводу...»²⁴

Есенину с надеждой на крестьянско-христианский, патриархально-общинный социализм было не по пути с Корчагиным и Распутинским Лёшкой, строящим индустриальный коммунизм...

А по поводу свободы в Америке и отсутствия свободы в Советской России — ходовая лож мировых и доморощенных русофобов в «холодной войне», которую Россия проиграла благодаря «свободолюбивой» интеллигенции, тут же выброшенной на свалку. Хлебнув капитализма, где дьявольски жестокая диктатура капитала, спохватилась интеллигенция, помянула былую советскую волю, где даже атеизм после Хрущёва ослабел, но было поздно...

Эпилог

На прощание хотелось бы поразмыслить о полемической этике... Сергей Эпов, сочинитель статьи «Сам не знаю, откуда взялась эта боль...», в записке сообщил: *«Мы никогда не сойдёмся во взглядах и на литературу, во вкусах, ибо они очень разнятся. Но это нормально. Ненормально то, что люди переходят на личности в отношении тех, кто с ними не согласен»*. Критик выразил в записке смиренномудрое суждение, но в статье, не вдаваясь в творчество Есенина, сразу же **перешёл на личность** поэта и обличил его во тьме пороков.

Помня святые словеса апостола Павла: «Со всяким смиренномудрием и кротостью и долготерпением, снисходя друг ко другу любовью»²⁵, желательно противникам в идеологической полемике голос друг на друга не повышать, брани избегать даже в сердцах. И спорщикам не образец неистовый критик Белинский, который, прочитав православно-самодержавное сочинение Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями», возопил с пеной у рта: «Проповедник кнута, апостол невежества, поборник обскурантизма и мракобесия, панегирист татарских нравов — что Вы делаете?.. (Виссарион Григорьевич сразу же **перешел на личность** Гоголя, многожды оскорбив Николая Васильевича — А.Б.) Взгляните себе под ноги: ведь Вы стоите над бездною... (...) Неужели Вы искренно, от души, пропели гимн гнусному русскому духовенству? (...) Не есть ли поп на Руси, для всех русских, представитель обжорства, скупости, низкопоклонничества, бесстыдства? И будто всего этого Вы не знаете? Странно! По-Вашему, русский народ — самый религиозный в мире: ложь! (...) Русский человек произносит имя Божие, почёсывая себе задницу. Он говорит об образе: *годится — молиться, не годится — горшки покрывать*»²⁶.

Да-а-а, после эдакого богохульства безбожие Есенина меркнет; да и не набрался ли запойно читающий молодой поэт «ума-разума» у эдаких атеистов, социалистов, завистливо взирающих на запад, презирающих родной народ.

Духовный ...не душевный!.. образец идеологической полемики — святитель Игнатий Брянчанинов, который, в отличие от Белинского, **не переходя на лич-**

²⁴А. Байбородин. Распутин. Рукопись.

²⁵Послание к Ефесеянам апостола Павла (4-2)

²⁶Письмо Н. В. Гоголю 15 июля 1847 г. (Белинский) <https://ru.wikisource.org/wiki>

ность, сохраняя добрый христианский тон, подверг суровой критике даже Пушкина, Лермонтова и Гоголя. Вот бы и поэту Есенину, да и всем литераторам, живым и почившим, читать не Белинского, а святителя, рассудившего: «В Онегине Пушкина и Печорине Лермонтова изображён эгоист, современный каждому из двух поэтов. (...) Прочитали Онегина, особенно Печорина, многие молодые люди пред вступлением в свет, или только что вступив в него, прочитали со всем жаром, со всею восприимчивостью юности: этим чтением произведено ли в них отвращение от эгоизма? сомнительно, сомнительно! (...) Должно быть, большая часть юных читателей заразилась ядом эгоизма! во многих непременно блеснула мысль: «Вот, верный способ успевать в свете!» — и — вперёд! по следам Григория Александровича. (...) Ему все сходит с рук, всякое предприятие удастся! чего больше надо? А мастерская рука писателя оставила на изображенном ею образце безнравственного, чуждого религии и правил человека, какую-то мрачную красоту, приманчивую красоту ангела отверженного. Григорий Александрович соблазняет, не только при чтении его подвигов, соблазняет сильным впечатлением, которое остаётся и долго живёт по прочтении романа».²⁷

Святитель толковал лишь о героях сочинений и даже мимолётным обличительным словом не коснулся писателей, кои и без сего видны в героях... Коли автор статьи «*Сам не знаю, откуда взялась эта боль...*», особо не вдаваясь в произведения Есенина, сразу же **перешёл на личность поэта**, то пристойнее вышло бы, если критик хотя бы не утверждал: мол, это — истина, а толковал с оговоркой: дескать, *думаю*, Есенин — конформист, *думаю* Есенин — циник, *думаю* Есенин — не любил ни жен, ни детей. *Думаю* — хороший ход, поскольку, если окажется, что не циник, не конформист, и любил жен и детей, то можно оправдаться: я не утверждал, я лишь *думал*, почитав воспоминания, скажем, Мариенгофа... Словом, литераторы, в том числе и сочинитель вышеупомянутой статьи, не забывайте в жарких спорах благородное — *я думаю...*

Август 2021 года

²⁷Полное собрание творений Игнатия Брянчанинова. Предисловие к повести «Иосиф» [1481]. <https://sv-scena.ru/Buki/Polnoye-sobraniye-tvoryeniy-Ignatiya-Bryanchaninova.html>